

Е. ПОСЕЛЯНИН

*НА НЕБЕСИ
И НА ЗЕМЛИ...*

Чувства и думы мирянина

Евгений Поселянин

На небеси и на земли...
Чувства и думы мирянина

Православное издательство "Сатись"

2007

Поселянин Е. Н.

На небеси и на земли... Чувства и думы мирянина /

Е. Н. Поселянин — Православное издательство "Сатись", 2007

ISBN 5-7373-0202-4

Соединенные здесь в одно наброски исходят не от рассудка, а от сердца. В них душа, бьющаяся в тенетах мира, грезит о счастливой свободной жизни, и усталая, изнемогающая от немощей, порывается в высоту, зовя туда, ко все разрешающему Христу, всех, кому холодно и одиноко на земле.

ISBN 5-7373-0202-4

© Поселянин Е. Н., 2007
© Православное издательство
"Сатись", 2007

Содержание

На небеси и на земли...	6
Жажда Бога	10
«Новое счастье»	13
Смерть	16
Одиночество и Бог	18
Вехи духовные	21
Вещи и люди	24
Счастливые и несчастные	27
Дом, где присутствует Бог	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Поселянин

На небеси и на земли...

Чувства и думы мирянина

По благословению

Митрополита Санкт-Петербургского и Ладозского ВЛАДИМИРА

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2007.

На небеси и на земли...

Христос-Младенец и детство нашей души

Тихо, но верно приближается он – светлый день христианства.

Он приближается сокровенно, как тогда, 1911 лет тому назад, он приближается во тьме удлинившихся ночей, среди безмолвных, покрывших все снегов.

Наступит, – и мы будем праздновать. И еще шумнее станет тот нескончаемый праздник, в который теперь превратилась в городах жизнь не только обеспеченных, но и трудящихся людей. Еще большее количество пищи и питья станут поглощать люди, называющиеся христианами, на том основании, что вспоминается годовщина пришествия на землю Спасителя мира. Удачные тройки загремят бубенчиками, взметая снеговую пыль. В театры, цирки и в заведения самодвижущихся картин потянутся еще более густые толпы народа, и эти учреждения будут работать от полудня до полуночи, и среди этого праздничного размаха и шума одно будет основательно забыто: то событие, ради которого установлен праздник.

В общем гуле и веселии будет забыт тот холмик из соломы, на который Дева-Мать положила новорожденного Иисуса, и тот ослик с волом, которые верно послужили своему Создателю, согревая дыханием Младенца в эту ночь. Будет забыто все то убожество, в котором сошел на землю Христос, чтобы вернуть нам, людям, роскошь райских садов и богатство возрождающейся благодати. Будут забыты та тяжкая жизнь, полная сперва лишений и трудов для хлеба насущного, а потом насмешек и поруганий, предательство и лютая казнь, жизнь, начавшаяся в Вифлеемских яслях и кончившаяся на кресте Голгофы.

О, неужели только тем и отметим мы праздник Рождества, что оденемся в лучшую, большею частью только что сшитую одежду, будем переедать еще больше и пить еще пьяней, переходить из дома в дом для пересудов, смеха и нового обжорства? Неужели только это принесем мы в дар Младенцу Христу, новое для Него оскорбление в нашей неизменно беззаконной, себялюбивой и плохой жизни?

А ведь может быть и иначе! И праздник Рождества, вместо того, чтобы принести новую поблажку нашей чувственности, может стать толчком для нашего возрождения.

В дальние, счастливые годы, когда душа наша не прилепилась еще окончательно к миру и так радостно и свободно парила иногда в небесах, – в эти благодатные дни детства мы иначе встречали праздник Рождества. Мы чувствовали, что совершается что-то великое, мы улавливали великую тайну в тихо надвигающемся сумраке сочельника. Наше молодое, не затемненное еще ничем дурным воображение, прорвав преграду столетий веков, шло робко и свяшенно в Вифлеем. Оно встречало по пути караван волхвов, оно чувствовало этих людей, вперивших задумчивые и восторженные взоры вдвигающуюся перед ними звезду. Оно витало над стадом, которое стерегли в ту заветную ночь несколько простых сердцем и крепких в вере пастырей, и внимало неземным небесным звукам небесного воинства, которое этим, ничтожным перед миром и достойным в глазах Божиих, людям спело новую песню, песню умиления, благоволения и отрады: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение».

И с этими верованиями шло оно в пещеру Вифлеема, где лежал повитый пеленами Младенец на пригорке из соломы, сияя с этого трона той славой, перед которой ангелы поникают своими лицами.

И слышало это детское, разбуженное так благодатно, воображение стук копыт усердного ослика, уносившего Богоматерь с Младенцем во время вынужденного их бегства в Египет, и видело озаренного луною загадочного сфинкса в пустыне, в объятиях которого нашла себе приют Богоматерь со сладчайшим Младенцем.

И так сильно было впечатление, что хотелось не отходить от этих святых чудных воспоминаний. Хотелось, чтобы звезда Вифлеема не гасла никогда, чтобы можно было, следя за ее лучом, идти до конца жизни к Нему, все к Нему, Младенцу, лежащему в яслях на соломе.

Прежде еще чем вспомнить о Христе, идущем с учениками среди нив с наливающимся на высоко поднявшихся стеблях колосом, прежде чем сердце будет поражено стонами страдающего на кресте Богочеловека, один вид Младенца Христа, лежащего в яслях, уже достаточен для того, чтобы посвятить этому Младенцу все свои помыслы, и силы, и любовь.

Несколько картин лучших художников воспроизводят ту заветную картину из жизни знаменитого итальянского аскета, святого Франциска Ассизского, когда к нему в облаках спускается Младенец-Христос.

Каким блаженным изображено лицо праведника, в каком счастливым порыве протягивает он руки навстречу Тому, Кто, будучи невместимым, сходит сейчас на руки смертного человека!

Значит, сердце великого созерцателя было особенно полно красотой Вифлеемской ночи, и Младенец-Христос, Господь Вседержитель, сошедший в ту ночь в образ беспомощного Младенца в беднейшей обстановке, в холодную ночь согревал сердце подвижника, пока, наконец, не явился въявь этому, к Нему стремившемуся сердцу.

Счастлив и тот, кто стоял в знаменитой Дрезденской галерее, в той уединенной, небольшой комнате, которая хранит бессмертное сокровище живописи – Мадонну Рафаэля.

Поражает вас вид Пречистой Девы, несущейся к вам на облаках, но еще поразительнее поднимаемый Ею Младенец. В этом Ребенке со всем обаянием младенчества, в этих детских чертах вы чувствуете Вседержителя, в этих глазах, невинных, чистых, как бы бессознательных, вам видна творческая мысль, что это действительно Бог, принявший на земле образ дитяти. Удивительно это смешение в одном образе детской беспомощности и вседержительства, это совпадение Младенца в первой весне жизни с безначалием Ветхого денми.

Ему служить, перед Ним благоговеть, ради Него погасить в себе все земное, исчезнуть в своем личном существовании, чтобы возродиться в Нем; ради Его детства стать снова самому ребенком, отдав, посвятив все Ему, Ему одному.

А Он смотрит, смотрит вам в душу, зовя к Себе, обещая у Себя бесконечную отраду и счастье, а с неба, вернувшегося к вам снова, как в детстве Вифлеемского неба, тихо звучат благодатные слова ангельского славословия.

Так вот, в дни Рождества постараемся пробудить в себе все то чистое, святое и детское, что было в нас когда-то на пороге жизни, и что потом затоптала, истребила в нас лютая жизнь.

Детство есть шаг к праведности. Кому приходилось близко наблюдать великих праведников, тот, несомненно, заметил, сколько было в них детского настроения. Та же великая благодать, кротость и ласковость, та же способность безграничного восхищения перед тем, что светло и чисто, та же доверчивость к людям, которой не могли поколебать никакие ежедневные уроки жизни.

Вот и нам как полезно вспомнить свое детство и возродить многое из него. Пусть человек, который опустил и обленился, спустя рукава, как к тяжелому подневольному труду, относится к своим делам, в сущности, может быть, легким и не благоприятным, пусть вспомнит он, как мальчиком он усердно и любовно исполнял свои учебные обязанности, как пораньше подымался утром, чтобы протвердить уже хорошо приготовленный урок, так как все не был доволен отчетливостью своего знания, как загодя отправлялся в свое учебное заведение, как держал в порядке свои учебные принадлежности, тщательно записывал уроки, волновался за каждую получаемую отметку.

Куда ушла эта детская совестливость и добросовестность, эта умильная честность маленького убежденного труженика?

Когда вспоминаешь о детях, поражаешься, как немногие доносят в жизнь ту деятельность, какою отличались в ранние свои годы.

Кто не слышал о детях-коллекционерах... Неважное занятие собирать какие-нибудь перышки, но ведь и оно требует известной силы воли и последовательности, которая часто в этих самых людях с годами бесследно пропадает. Кто не видал детей, прекрасно выращивающих комнатные растения, устраивающих на даче целые клумбы, производящих даже собственным умом кое-какие земляные работы, устраивающих потешные крепости.

И как немногие из этих людей во взрослые годы проявляют хотя часть той упорной деятельности, какой отличались в своем детстве.

Но печальнее всего вспомнить о том, как изменяют люди своей детской вере.

С какой радостью глядишь на толпы подростков-детей, мальчиков и девочек, которые всякое утро перед началом классных занятий приходят к чтимым святыням, молятся, прикладываются, ставят свечи к иконам.

Помню старую Москву, целый ряд тянувшихся по тихому переулку зданий старейшей московской гимназии, вереницу маленьких и больших гимназистов, спешно идущих к дверям «сборной». На противоположной стороне переулка, немного не доходя до этих дверей, стояла каменная церковь, в воротах ее за стеклом был образ Николая Чудотворца. Зимой сплошной покров льда покрывал это стекло, так что и образа совсем не было видно. А между тем гурьбы ребят с ранцами на плечах усердно прикладывались к нему своими детскими губами. Лет до двенадцати-пятнадцати редкий мальчик проходил мимо образа, не перекрестясь, не приложившись губами и не прикоснувшись ради освящения головы к стеклу своим лобиком. А взрослые гимназисты зачастую проходили мимо не перекрестясь.

Это был символ того, что случилось с большинством из них потом, когда почти все они мало-помалу отстанут от церкви и забудут Христа.

А где эта юная привязанность детей к родителям, такая сильная, что ребенок, отданный живущим в учебное заведение, долгое время не может привыкнуть к разлуке и плачет по ночам. А лет через десять целыми месяцами не пишет волнующимся без известий о нем родителям. Где это глубокое сожаление, готовое с товарищем поделиться последним куском хлеба, а лет через десяток забудет о существовании этого товарища, и если б ему понадобилась какая-нибудь помощь, рад как-нибудь незаметно улизнуть от него. Где эта страстность в спорах и крепость убеждений? Где это стремление к добру, правде и свету, которое через какой-нибудь десяток лет кончится спокойным прозябанием на службе, а весь интерес жизни сведется к вину и картам.

У графа Л. Н. Толстого есть ужасная по правде своей сцена.

Одна мать, потерявшая страстно любимого ребенка, засыпает в чувствах величайшего ропота на Бога, Который не внял ее горячей молитве и не оставил в живых ее сына, и видит она страшный сон. Перед ней кабинет ресторана; в нем сидят бесстыдные женщины, окружающие одного человека. В нем умерло, по-видимому, все духовное, одна животная сторона царствует в нем. И в этом заживо умершем мать мало-помалу начинает различать дорогие черты лежащего теперь на столе и отозванного к Богу в рай ее ребенка.

Вот во что мог превратиться этот ребенок, если бы Бог не отозвал его во всей его чистоте и невинности.

Ведь это образ почти каждого из нас!

О как следует нам желать и молить, чтобы хотя в тот день, когда ангелы окружают ясли пришедшего в мир Христа-Младенца, мы все встали вокруг Него верной стражей, вновь превратившись в добрых и ясных и милых детей.

Ты, Который грядешь в мир, чтобы возлечь в Вифлеемской пещере в яслях, на холмике из соломы, Ты скажешь впоследствии людям: «Тот, кто не обратится и не будет как дети, не может войти в Царствие Небесное», в то Царствие, которое Ты купил Своей кровью.

О, в день Твоего пришествия в мир соверши над нами это чудо: дай нам обратиться и стать как дети, отражая в себе черты Твоего благословенного детства.

Жажда Бога (Ко дню Рождества Христова)

Он пришел в темноте умилившейся ночи. Ему сияла таинственная звезда, ведшая к Нему на поклон волхвов с дальнего Востока. Он был положен в кормушку для скота. И с этого престола улыбнулся человечеству.

И свет засиял над темной землей. И новую песнь – песнь свободы и отрады – запела тогда земля: Бог среди людей, люди со своим Богом...

Мы созданы для того, чтоб чувствовать Его, славить Его, жить для Него и в Нем; и вне Его, счастья, – истинного, верного и спокойного счастья, – нет и не может быть.

Хиреет растение, до которого не доходят лучи солнца. Страдает душа, которая не видит Бога, в которой неудовлетворенною остается присущая ей неизбежная жажда Бога.

Жажда Бога...

Кажется, редко когда эта жажда была так сильна, как в наши дни.

Мы испробовали всего. Кричали о счастье и глубоком удовлетворении, какие дают человеку знания. Но кто вместил в себя всю полноту их?.. И человечество стоит перед великими тайнами и загадками природы, человека, его бытия и его души.

Искали счастья в широком служении самим себе, в удовлетворении личных запросов, в омуте страстей. Но, чем больше ублажали себя, тем сильнейший огонь жажды жег душу.

Куда ни бросались, за что ни брались, – все чувствовали там, внутри себя: «Не то, не то»...

Удовлетворения, быть может, спокойствия не узнает душа, не явится утешительное сознание, что мы исполняем свое предназначение, пока мы не поклонимся живому Богу и не устроим свою жизнь так, чтобы служить Ему.

Что мешает человеку преклониться пред Богом, признать Его? Что заставляет человека как бы отпихивать от себя ту веру в Бога, которая просится в его сердце?

Гордость!

Я слышал раз спор одного верующего человека с его молодым, блестяще одаренным родственником, которого гордость ума отшатнула от Бога. А в отрочестве он был тепло веровавшим. Убеждения его собеседника как-то раздражительно действовали на него. Тот начал говорить о том, как ужасно, если Бог существует, если Христос был воплотившийся Бог, пришедший для нашего спасения и такую ценою давший его нам: как ужасно тогда отвертываться от Бога Христа и какое неблагородство оказывать Ему за все такое равнодушие.

– А я, – с каким-то озлоблением воскликнул другой, – считаю неблагородным те характеры, которым непременно надо какой-нибудь кумир, чтобы пред ним преклоняться. Это черта раба – иметь что-нибудь, что можно считать выше себя, и пред этим благоговеть. Я – свободен.

– Это черта души, это вложено в нас, как вложена потребность дышать и питаться, – эта жажда найти что-нибудь высокое и поклоняться ему. Кто не поклоняется высокому, тот чтит низкое. Люди, считающие себя свободными от Бога, создают себе низменные кумиры...

А как раз страсти трепали душу этого молодого богоборца, и эта беспокойная душа преклоняется пред живыми кумирами...

Нет! Жажду Бога нельзя в себе истребить. Ее можно заглушать, и тогда измученная душа бросится к чему-нибудь иному, в чем найдет больше муки, чем удовлетворения. И эти муки будут тем острее, чем по складу своему выше, и поэтому способнее на религиозные переживания, душа.

Величайший трагизм заключается в этой жизни вне Бога той души, которая в Нем не найдет свое величайшее счастье, которую ждет с раскрытыми объятиями Христос и которая от Христа упорно отворачивается.

У нас так распространились самоубийства среди молодежи!.. И далеко не одно какое-нибудь потрясшее жизнь горе или безвыходная нужда бывают причиной этих самоубийств.

«Незачем жить...» «Тоска...» «Ни в чем не нахожу удовлетворения...» «Прошу никого не винить в моей смерти...»

Все это – ведь последний крик существа, которое принесло с собой глубокие запросы и удовлетворения не нашло.

И, быть может, в последнее мгновение их тяжелой, роковой жизни, об одном жалеют они, – что не дошли до того Христа, которого отняли у них обстоятельства их жизни, гипноз окружающего их неверия, боязнь предаться счастливому порыву, который бросил бы их к ногам Христа...

Есть вера, есть видение. Признают Бога в конце концов все. В будущем веке, очевидно, не будет места отрицанию. Но какой ужас увидеть пред собою несомненным, неопровержимым, торжествующим – то, что отрицал, над чем, быть может, глумился!

Люди, сами веровавшие и имевшие близких и дорогих для них людей, которые отрицали, – знают, как мало людей, спокойно отрицающих. Самое озлобление неверия показывает в человеке отрицающем, глубину и неистребимость веры. Он на себя сердится. Он то и дело оглядывается пугливо и беспокойно на область веры.

«Что мне языческий божок!.. Я пред ним спокоен!..» А вот пред Богом христианским – как смущены и злобны отрицающие Его!

Все чувствуют, что есть Бог, и что нужно и важно поклоняться Ему. Чувствует и культурный человек, и простолюдин.

Писатель Короленко был чрезвычайно поражен, когда в Сибири, во время перегона с одной станции на другую, ямщик обратился к нему с вопросом, есть ли Бог, и потом задумчиво добавил: «Хоть малый-махонький, а все над миром делам-те правит...»

Зачтет ли Христос, как засчитывает людям благия намерения вместо дел и слезы о грехах вместо добродетелей, – зачтет ли Он жажду веры в Бога и все муки отрицания – за веру?..

Есть минута, когда душа умирающего человека еще в теле, а завеса между двумя мирами, землей и небом, уже приподнята... И вот тут эта душа, еще в земном теле, прозревая то, к чему стремилась и от чего отвертывалась, быть может, в восторге преклонится пред гонимым раньше Богом и произнесет Его торжественное исповедание, во спасение свое...

Когда спустится на землю священная ночь – ночь под Рождество, и высыпавшие на небе звезды заговорят о той единственной звезде, что привела волхвов к пещере Вифлеема; когда в церквах, полных народа, сияющих огнями, раздадутся тихие напевы о чудном Младенце, пришедшем к людям, – тогда всею душою прильните к яслям невместимого Бога!

Вспомните о том, как первыми призвал Он к этим яслям пастухов, стерегущих стада, и ради этого воспоминания хоть на тот день станьте просты и незлобивы душою, как дети и «пастыри» Вифлеема. Забудьте все, что осложняет и портит вашу жизнь: все происки и расчеты тщеславия, себялюбия. Сделайтесь пред Младенцем Христом сами собою. Забыв хоть на время землю, склонитесь пред тем холмиком соломы, на котором лежит Он, «свивающий небеса» и изменяющий века, на котором согревает Его усердное дыхание вола и осла, служащих своему Творцу, и разом восстановите в душе вашей те минуты счастья, которые вам давал Он, тихий, сладчайший Иисус, ради вас принявший на Себя «зрак раба» и убожество. Благодарите Его за великий, за чудный, за спасительный дар веры. И тут молитесь Его за тех, кто жаждет Его, но не познал еще Его и стоит вдали от Него в унылом одиночестве.

За них всею душою помолитесь этому Младенцу, потому что пред детьми затихает вражда, смирятся отчуждение в самых больных сердцах.

Молитесь Ему, чтобы нежной Божественной рукой Он коснулся души их, чтобы дал им то живое ощущение Своего бытия, которое в вас было всегда живо, чтобы Он шепнул им: «Прими Меня, Младенца Иисуса, и не покидай Меня, ибо ты Мне нужен...» И пусть знают друг друга тосковавший по Боге и обретший Бога человек и Бог, просящий человека, чтоб он отдал Ему свое сердце... Войдет в это сердце, широко распахнувшееся пред Ним, Младенец, и будет радость, и будет счастье...

Тебя ждут унывающие люди, страдавшие без Тебя, отрицающие, но проклявшие в душе отрицание.

Откройся, явись им, как Савлу, Тебя гнавшему. Призови Сам, как призывал учеников Своих.

И пусть у Твоих яслей станем мы вновь детьми и сойдет к нам юность и свежесть чудной духовной весны!

«Новое счастье»

Люди любят символы, устанавливают грани, которые, по их мнению, разграничивают события, хотя время неделимо, как неделима громадная река, несущая в океан свои неисчислимые, не поддающиеся учету воды.

Так и время...

События сплетаются одно с другим. День и ночь, ночь и день, и день за днем текут, текут, текут в вечность, не разделяемую никакими гранями. И эти грани установило только наше воображение.

В трезвые минуты доказываешь себе, что никакого нового года нет, что решительно никакого значения не имеет, отбили ли часы в ночь с 31 декабря на 1 января двенадцать ударов, что первый день во всем равен и одинаков со вторым.

И вот, однако ж, сила внушенных привычных идей такова, что придаешь какое-то особое значение этой полуночи и с наступлением ее ждешь к себе «нового счастья», какой-то обновленной, лучшей жизни.

В больших городах часто теперь собираются встречать Новый Год в легкомысленной обстановке ресторанов, среди разношерстной, незнакомой между собою толпы. Как мало тут места для задушевных дум и чувств, навеваемых этой полуночью!..

Совсем иначе чувствуешь себя в кругу семьи, среди близких, дорогих людей.

Давно отслужен новогодний молебен, но в зале не убирают еще покрытого белого скатертью стола, с расставленными на нем несколькими старинными фамильными иконами. В тяжелых подсвечниках пред ними стоят толстые восковые свечи, продолжающие гореть и после молебна. Над этим уголком семейной веры точно застыли слова великого обетования, прочитанные за молебном:

«Дух Господень на Мне. Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелить сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на отраду, проповедывать лето Господе благоприятное».

Вот слова, вещающие вечно-обновляющееся счастье; вот слова, укрепясь которыми, можно смело смотреть вперед, не боясь никаких бурь житейских, с легким сердцем укрываясь от них в ладью Христову...

Не хочешь, не можешь в последние часы пред полуночью ни за что приняться, бродишь по дому, присматриваешься к знакомым старым вещам, среди которых вырос, которые были уже стары до твоего рождения и переживут тебя, презирая время... Вспоминаешь прошлое, переживаешь последний год. Вглядываешься в портреты ушедших, утраченных навсегда людей, унесенных смертью, и таких людей, которые, быть может, живут, но с которыми уже не встретишься на земле.

И считаешь, считаешь, поникнув головой, утраты, разочарования, обманы жизни, несбывшиеся думы, разбитые мечты... А время идет все ближе к полуночи...

И как хочется в эти минуты собрать вокруг себя всех, которых в жизни любил, поднять умерших, созвать тех, с которыми жизнь разделила. И чувствуешь до боли, как полнее могла бы быть жизнь.

Кого-то нет, кого-то жаль,
К кому-то сердце мчится в даль...

И вот тут сколько отрады приносит мысль о том, что все на земле только временно, что истинное бытие – в небесах, куда перенесется все лучшее, ценное и святое, что было в нас на земле.

А стрелка часов неуклонно, медленно, ровно приближается к двенадцати. Все собрались в одной комнате и напряженно ждут. У многих приготовлен карандаш и кусочек бумаги, чтобы написать свои пожелания на наступающий год и поскорей сжечь...

У вас нет такой бумажки. Вы не верите в эту примету. Когда-то и вы спешно набрасывали несколько слов и бежали к горящей свечке, чтобы сжечь заветную записочку, и радовались, когда от нее оставалась горсточка пепла. Но вы убедились, что это ни к чему не ведет, и сожженные слова ваших желаний не помогают этим желаниям сбыться... И вы бросили эту затею...

Наконец, стрелка часов приблизилась к 12-ти, и вслед за тем раздался первый гармонический удар... За ним, чуть выждав, другой, третий – и в этом медленно-торжественном металлическом звоне словно прорывается тяжелая стена времени, рушится в бездну минувший год, и открывается загадочный таинственный путь – год новый.

Вы с грустью смотрите на склонившиеся у всех столов головы, на мелькающие карандаши, набрасывающие заветные слова, на ярко-вспыхивающее пламя сжигаемых записок.

Прошло, миновало, не вернуть...

Развертывайся же теперь, год новый, чтобы потом снова кануть в бесконечность, приближая нас всех к неизбежному концу, который зовем мы смертью и который есть рождение в жизнь.

Потом идут в столовую, где свечи канделябр бросают веселый свет на нарядно накрытый стол. Состарившийся в доме слуга держит на подносе кусочки черного хлеба, посыпанные солью... И все их едят «на счастье»...

Говор, движение в доме затихли, замолк звон бокалов, слова пожеланий. Вам кажется, что все в мире молчит. Говорят только звезды, там, в высоком небе...

Вы, наконец, одни. И вы думаете о прошлом, гадаете о будущем.

Зачем желать, предаваться надеждам, когда достаточно пожелать самой простой и неизбежной, казалось бы, вещи, чтобы она не сбылась. И не ошибочно ли ставить свое счастье в зависимость от каких-нибудь внешних условий, когда счастье внутри нас?

Вы начинаете перебирать в себе лучшие минуты минувшего года. Они были чрезвычайно просты, зависели от легко достижимых причин. Прогулка и поразившая вас окраска вечеряющего неба. Умиленная красота засыпающего парка... Тихая гладь безмятежных вод... Чтение книг, благородные страницы, взволновавшие, пробудившие вас. Радостное чувство, что вы еще не умерли для добра, что оно вас еще к себе влечет... Возникший в душе порыв веры, видение Христа, словно вы перенеслись в те заветные дни, в города Палестины, вмешались в толпу, окружившую Учителя, и слово Его пронзает, исцеляет, орошает благодатью больное сердце... Слушайте Его, слушайте!..

«Дух Господень на Мне. Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелить сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное».

И встал тогда перед вами призывающий лик Христа. Искупитель протягивает к вам руки, прободенные за вас на кресте, и сладостным взором отца, матери, друга глядит в глубь вашей души. Божественные уста тихо шепчут. Они шепчут слова призыва, весть отрады.

«Ты жаждешь счастья, ты ищешь счастья. Еще маленьким мальчиком ты ждал от жизни волшебства. Ты думал, что она начнет развертываться пред тобою чудною сказкой. Сказка не начиналась, и ты тосковал и тоскуешь. Но приди ко Мне, и Я тебя утолю. Я открою тебе необъятные горизонты, солнце загорится в зените над твоею головою, чтоб никогда не погасать. Самые роскошные картины благословенных стран золотого юга померкнут пред красотою захватывающих миров, в которые Я поведу твой дух...

Песни земли не удовлетворяют тебя, потому что в душе живут отголоски иных, незабываемых мелодий. Я насыщу эту жажду небесных звуков. В тех благодатных снах, которые Я

низведи на тебя, твоего слуха коснутся звуки тех гимнов, которыми славословят Меня у Моего вечного Престола неисчислимые хоры служащих Мне ангелов...

Ты жадно ищешь на земле красоты, чтобы поклониться ей в восторге и умилении. Но на земле нет совершенства красоты. Я же открою тебе всю Мою правду и Мои совершенства, и ты поймешь, что можно забыть весь мир, чтобы, как евангельская Мария, сесть у ног Моих и замереть в слушании слов Моих. Я явлю тебе лик Пречистой Матери Моей, и Она, чтоб не смутить слабых глаз твоих, отложив для тебя сияние Царицы небес, взором благодати и любви покорит твое сердце, насытит его, и не надо будет твоей душе, уязвленной горячей любовью, искать иных привязанностей.

Доверься Мне, отдай Мне все мысли твои и чувства, и Я создам тебе рай на земле, вечную весну благодати, предвкушение здесь, в смертном теле, блаженства бессмертных духов.

Доверься Мне – и ты посмеешься над бедствиями земли. Ибо со Мною ты в нищете будешь богат, в унижении славен, в голоде сыт. Я муку превращаю в счастье. Я бесконечно щедр для тех, кто Мне отдается... Прииди, испытай!.. Насыщу, украшу, обогашу, вознесу... Я верен в обещании, и Я всемогущ. Прииди, испытай!..»

* * *

Мир спал.

Была тишина.

Только звезды в высоком небе что-то говорили безмолвной земле тихим сиянием серебряных лучей своих.

Христос протягивал прободенные за нас на кресте руки и шептал слова призыва и отрады...

Смерть

Как много людей стараются заставить себя забыть о ней, как бы отталкивают ее от себя, и не в силах сказать себе кратких, неумолимых слов: «Ты умрешь. Напрасно ты будешь бегать от мысли о смерти. Смерть тебя найдет. Так надо подумать о ней раньше».

Есть что-то чрезвычайно грустное в этом зрелище людей, которые, так сказать, не смеют взглянуть смерти в глаза. И сколько, – не говоря уже о духовном вреде такого отношения к смерти, – сколько от того происходит внешних бед! Человек, боясь вспомнить о смерти, все откладывает составление духовного завещания. Он умирает, и, вопреки его воле и расчетам, близкие ему люди остаются необеспеченными, и наследниками становятся какие-нибудь дальние родственники, которых он, может быть, вовсе и не знал.

Совершенно иначе действовали люди глубоких христианских настроений – подвижники. Они всячески поддерживали и обновляли в себе мысль о часе смертном; держали у себя, как старец Серафим Саровский, – гроб.

«Помни последняя твоя (то есть конец твой) – и не согрешиши...» И подвижникам мысль о смерти служила нравственной уздой.

Как вообще изменилась бы к лучшему наша жизнь, если бы мы во многих ее случаях ставили себя лицом к лицу со смертью!

Нам кажется, что мы не довольно привольно живем, что другие люди, несравненно менее нас в жизни потрудившиеся, лучше обставлены, чем мы. Вспомним тут: не все ли равно нам, проходя для какого-нибудь значительного и радостного дела, – не все ли равно, по какому коридору нас ведут, и красиво ли он отделан?.. А что такое земной наш век пред нескончаемой громадой вечности?..

Нас не поняли, не оценили, и мы расстались навсегда, как чужие, с людьми, за которых готовы были положить свою душу. Скажем себе, что смерть все разъяснит, что они там увидят, какие светлые чувства горели в нас к ним, и великим приливом любви загладят все свои перед нами ошибки.

Тому, кого жжет сильная жажда знания, которую так несовершенно удовлетворяет земля, что, чем больше человек узнает, тем сильнее чувствует, что еще большее от него скрыто, – только там откроется вся возможная полнота знания, как только там очи, ищущие красоты, увидят ее истинное воплощение.

И, если бы вера была в нас жива, мы бы с радостью думали о смерти, звали бы ее к себе, как бы ни хорошо жилось нам на земле, и чувствовали бы с божественным Павлом этот святой порыв: «Желание имею разрешиться и со Христом быть», и восклицали бы, словно уже видя Христа, предмет наших стремлений: «Мне смерть – приобретение».

Приобретение!

Да!.. Теряешь землю с ее трудной тяжелой жизнью, с ее суровой природой, ее холодом и мраком, ее неизбежными скорбями, болезнями, враждой, потерями, ее редкими звуками радости, одиноко раздающимися в нескончаемом море стонов, – и приобретаешь счастливую, прекрасную жизнь. Там собрано все, что лучшего, светлого было на земле в жизни, все святыни души туда перенесутся, чтоб жить там неизменно. Там, задавленные, искаженные раньше землей, расцветут лучшие стороны человеческого существа, и с изумлением увидим мы праведность и красоту в тех, чьи грехи и безобразие оскорбляли нас на земле.

И Небо, невыразимо прекрасное Небо вечности, и Солнце, не гаснущее, не меркнувшее, животворное Солнце, и сады неопикуемой красоты, обвеваемые тихими, ласковыми ветрами, и благовонные цветы, разодетые славой ярче евангельских лилий, и изумрудная зелень лугов, чистый кристалл сладко журчащих ручьев, и свежие листья деревьев, каждый творящий тихую молитву, и шаги Божества в этой невянувшей красоте неизменной, обновляющей весны, и ото-

всюду звучащие звуки небесных невыразимых песен, и великие откровения, и общение святых душ, и над всем, ясно чувствуемое каждым фибром освобожденной, просветленной души, внимающее ей, говорящее с ней Божество!..

Как не воскликнуть, углубясь мыслию в приоткрытые нам тайны будущей жизни:

«Ей, гряди скоро, Господи Иисусе!»

Ушедшие от нас в вечность люди не говорят. Тайна загробная окутывает то, что они там увидели. Но, кто терял близких людей, умиравших в надежде воскресения, в чаянии жизни будущего века, для того целым откровением было выражение лиц умирающих.

Мне пришлось, стоя на коленях, придерживая зажженную колеблющуюся свечу в неподвижной, еле вздрагивающей от последних дыханий руке родного человека, уже не владевшего речью и, казалось, ничего не видевшего, смотреть, не отрывая глаз, на то, то выражало прекрасное старческое лицо, всегда величественное, с печатью мысли на высоком открытом челе.

Язык его навсегда замолк. Но лицо говорило. Оно ясно говорило о том таинственном и чудном, что открывается его внутреннему зору. Какие-то волны глубоко охватывающего чувства, напряженнейшей, но счастливой мысли проходили по этому лицу.

Было ясно, что он что-то видел, к чему-то приглядывался, во что-то погружался, что было недоступно, непонятно для земного глаза, что этот глаз лишь ослепило бы, а что он теперь жадно и счастливо воспринимал. И, недоступная нам, трем близким людям, окружавшим умирающего, нам непонятная область, в которую уходил умирающий, тем не менее чрез его душу нами чувствовалась, нам говорила что-то безглагольное и великое, – и все мы следили за этим зарождением и быстрым развитием того счастья, для которого он от нас уходил.

И, когда все для земли было кончено, и началась для него новая жизнь, и то тело, что раньше, вместе с отлетевшей душой составляло человека, лежало недвижимым и бездыханным, – удивительное выражение застыло на холодеющих чертах этого лица.

Какая-то царственность. Небесное наследие получено. Звание сына Небесного Царя восстановлено. Открыто обладание бесчисленными сокровищами духа.

Глубокое изумление тому, что он увидел, тем загадкам, которые теперь разгадал, и радостное, умиленное восхищение...

Созерцание, начало того все углубляющегося и ушिरяющегося созерцания, в котором он должен теперь проводить всякое мгновение и все века безграничной вечности.

Созерцание серьезное, тихое, строгое.

Счастье и успокоение – в недоступности более никаким испытаниям, в той полноте существования, в которой уже желаний нет, потому что все уже дано и исполнено.

И мне думалось, когда я всматривался в этот величавый и осмысленный покой, который смерть налагает на лице верующих людей: «Здесь неверующий мог бы уверовать. Ибо в безмолвии смерти это лицо проповедует о Том, Кому теперь эта душа поклоняется».

Недавно я стоял у гроба человека, которого давно и близко знал, который всегда чувствовал Бога и со всяким годом все больше и больше вживался в мир веры.

Он умер почти внезапно, чем Бог избавил от раздирания предсмертных прощаний обожавшую его семью. Он прожил счастливо, идя по вершинам житейских успехов, и знал самое возвышенное и безоблачное счастье.

Ни днем, ни ночью гроб его не оставался одиноким. Помимо панихид почти всегда у гроба был кто-нибудь из семьи. Иногда все собирались вместе вокруг гроба и подолгу говорили, как собирались и говорили вокруг живого.

И я понял то, что сказал мне один из членов семьи: «Когда мы смотрим на его лицо, нам кажется, что он жив... И вообще разве не чувствуется, что он все слышит и все видит?»..

Счастливы те, кто хоть чрез такое тяжкое испытание, как смерть близкого человека, уверились в истине загробной жизни и, так сказать, руками осязали связь между землей и вечностью.

Одиночество и Бог

К старинным русским романсам принадлежит один «жалостный» романс, написанный на известные слова Мерзлякова:

«Среди долины ровный, на гладкой высоте...»

Стихотворение это описывает грусть одинокого громадного дуба, стоящего на пригорке, среди долины. Это, конечно, аллегория.

Здесь говорится вообще о грусти одинокого человека.

Одиночество считается тяжким. Мы привыкли жить в обществе себе подобных, нам хочется видеть вокруг себя привычные лица дорогих людей, которых мы понимаем, которые нас понимают, с которыми у нас столько общего.

Привязанность в людях достигает такой степени, что они как-то болезненно чувствуют себя в разлуке, самой краткой, с этими близкими. Я знал одного прекрасного человека, который душа в душу прожил со своей женой более сорока лет. За все это время они не разлучались ни разу.

Живя у себя в имении и посещая уездный город, для заседаний в мировом съезде, как почтенный мировой судья, этот господин, казалось, должен бы был на эти дни расставаться со своей женой, так как дороги в уезде были отвратительны, гостиница в уездном городе пре-скверная, а они были люди, привыкшие к комфорту... Но жена неизменно сопровождала его в его путешествии... Если она выезжала в городе и запаздывала на какие-нибудь двадцать минут против того времени, к какому можно было ожидать ее обратно, муж уже волновался и не мог спокойно заниматься никаким делом.

Да, мы созданы для единения, нам тяжело жить одним...

Кто не знает, что даже столь необходимая и приятная вещь, как еда, и та наедине совсем не то, что на людях. Туго идет в рот пища одинокому... Хочется скорее покончить с этой столь вообще приятною в обществе, столь докучною в одиночестве обязанностью.

Как тяжело смотреть на человека, особенно на женщину, который раньше был окружен цветущей семьей – людьми, которых он любил, и которые его любили – и остался мало-помалу совсем одиноким... Стоит он среди жизни, как одинокий дуб среди равнины, так же доступный вдвойне ударам судьбы, как этот дуб, не защищенный ничем от действий стихий.

Один древний старик, владимирский помещик, давно уже умерший, рассказывал мне, что он знал в молодости своей одного помещика-соседа, оставшегося к концу жизни своей совершенно одним... Старик этот был певун. Иногда садился он пред своим домом, брал в руки гитару и, наигрывая на ней, напевал печальный романс: «Среди долины ровная». Всю свою наболевшую душу влагал старик в эти слова, и слезы, одна за другой, скатывались у него по щекам.

Да, тяжело для рядовых людей одиночество, но как многим оно нужно и как многим оно суждено!..

Чем человек более выдающийся и сложный, чем богаче его внутренний мир, чем он особеннее, тем он более одинок, тем он менее понят.

Одинок потому, что надо быть равным с другими, чтобы чувствовать себя с ними хорошо; одинок потому, что если бы он открылся кому-нибудь во всей полноте своих мыслей и чувств, во всей своей истинной сущности – его бы не поняли и ближайшие люди.

Есть что-то глубоко трагическое, но вместе и великолепное, высокое в этом одиночестве душ нерядовых.

Это вовсе не значит, что такой человек угрюм или необщителен, или живет непременно в отшельничестве или в затворе... Можно быть очень общительным человеком, находиться «на людях» с утра до ночи и находить удовольствие в обществе людей; быть ценимым людьми,

иметь людей, которые вас любят, и самому иметь горячие привязанности; но вместе с тем быть все-таки глубоко одиноким и, представляясь с первого взгляда человеком, в котором нечего искать никаких разгадок: до такой степени все в нем ясно, – иметь в себе много никому недоступных тайн.

Есть одно святое одиночество: это одиночество души нашей с Богом.

Возьмем таких всем известных людей, как старец Серафим Саровский, Оптинский старец Амвросий, отец Иоанн Кронштадтский. Они были все люди общительные; отец Амвросий по ласковости своей, когда был еще молодым монахом, не пропускал ни одного встречного, чтобы не сказать несколько приветливых слов, не расспросить о чем-нибудь, что показывало его интерес и любовь к этим людям. Сколько людей перебивало у него за время его старчества, открывая ему свою душу, сколько людей находилось при нем почти безотлучно... А, между тем, он был настолько одинок, что в сущности никто не имеет права называться его учеником, как мы привыкли понимать это слово, то есть духовным преемником человека, которому он открыл всю полноту своей души. Он был одинок, этот старец, когда оставался один, после длинного дня – от рассвета почти до полуночи, посвященного приему бесчисленного народа, и молился за мир, и созерцал. Он был одинок и в те часы, когда слушал читаемые ему «правила» – и до того воспарял духом, что лицо его начинало светиться невыносимым для глаза людского светом.

Он был одинок и в толпе, когда называл по имени, впервые приходивших к нему людей, видел их прошлое и будущее.

Великий старец Серафим для того, чтобы привлечь людей к духовному подвигу, показать им, какое величайшее счастье может дать духовная жизнь, открыл пред концом кое-что из сокровенных тайн своей жизни в Боге. Но сколько осталось никем не узнанного, такого, что не поняли бы даже люди, если бы он стал это им рассказывать, потому что понять вполне может только человек вполне равный.

И у него были люди, с которыми он делился некоторыми чувствами своими, которым он кое-что рассказывал... Но друзей, истинных друзей, которым все открыто, которые так же знают вашу душу, как свою душу, у него не было; и он был одинок среди людей, и только Бог один всецело владел и наполнял этого великого человека.

А отец Иоанн! Помимо того, что он проводил на народе три четверти суток, что не только во время служб и посещений домов он был окружен теснившейся к нему толпой, но и во время переездов в вагонах его не оставляли люди и настойчиво лезли к нему; кроме всего этого постоянного нахождения в самой гуще народной, он, урывая время у ночи, вел еще свой дневник, печатавшийся и назначенный для тех же людей, которые к нему постоянно обращались, – и он был глубоко одинок...

Кто бы, равный, мог подойти к нему в те часы, когда он один, в присутствии лишь догорающих звезд, в предрассветные часы, стоял под открытым небом, на воле, и душа его говорила с Богом и внимала Ему?

Кто видал его к концу литургии, в безграничном восторге поклоняющимся Святым Тайнам, то смотрящим на Чашу с детским восхищением, то склоняющимся пред нею с тихим плесканием рук, – кто чувствовал в нем эту уединенную радость пред его Богом, тот понимал, что в эти минуты особенно, как и вообще во всей его жизни, единение его с Богом так тесно, что никому уже более тут не остается места... Он любил всех, и все были ему близки, но близки были не по себе, не по выбору личной склонности, как у нас, а ради Бога и в Боге.

И вот, когда подумаешь хотя бы только об этих одиноких людях, тогда разгадаешь многое в той великой тоске, которая гложет душу, ищущую великой и полной привязанности, полной отдачи себя другой душе.

Еще с детства люди особенно чуткие, особенно тонкой душевной организации, начинают переживать эту томительную жажду любви.

Как чиста эта жажда в те годы, когда молчит еще голос плоти, вносящей потом столько грязи и путаницы в наши даже глубокие духовные склонности.

Есть что-то героическое в этих мечтах найти по выбору такую душу, в которой бы сосредоточивалось все, что кажется тебе тогда прекрасным и ценным, в единении с ней найти свое счастье, укрепляться самому, соревнуясь с ней в ее стремлении к добру; быть готовым принести ей всякие жертвы, находя в этих жертвах высшее блаженство... И как редко такие люди находили то, что рисовалось им в мечтах...

Сколько разочарований – тяжелых и неожиданных, подрывающих жизненные силы, сколько сухости и равнодушия, сколько непонимания в ответ на горячие излияния, даже там, где сходятся два существа, которые в единении могли бы пережить великое счастье...

*...Когда душе не станет мочи
Вверяться новым, лживым снам...*

И вот, когда душа окончательно изнеможет в поисках, пусть станет она тогда, наконец, на единственно верный путь.

Трагично в жизни нашей то, что как бы тонка ни была наша душевная организация, какой бы, в смысле душевных переживаний, мы ни представляли из себя тонкий музыкальный инструмент, – мы в отношении собственных наших чувств, того, что мы воспринимаем от других, и что идет вглубь нас, гораздо тоньше того, что мы даем другим, что исходит от нас на них... И кроме того все наши действия уже потому грубее наших чувств и мыслей, что они суть действия и не бесплотны, как бесплотно все в чарующем мире внутренней жизни.

Когда мы сильно чувствуем, мы даже слов тех не имеем, чтобы ими выразить все наше чувство. Одна музыка еще сколько-нибудь может передать всю тонкость душевных переживаний, и ее дело говорит тогда, когда слово немеет, когда перо падает из рук, когда человек чувствует уже себя не в силах держать кисть художника и резец ваятеля, чтобы передать уносящий нас в небеса порыв.

И вот отчего, нищие в средствах выражения того, что мы чувствуем, мы постоянно оскорбляем, хотя бы самыми тонкими и для нас неощутимыми оскорблениями, даже тех, за кого готовы отдать свою жизнь.

Один только есть, Кто никого не обидел, Кто Один стоит на высоте того, что требует, о чем мечтает наша душа.

И вот, исколотые, оскорбленные, израненные, неудовлетворенные людскими привязанностями, пойдем к Нему, и, опустив измученную голову на Его прободенные за нас руки, все Ему расскажем.

И Он нам ответит. Он нас насытит.

Вехи духовные

Тот самый Новый Год, который празднуется у нас первого января, прежде праздновался в русской церкви 1-го сентября.

Конечно, в бытовых особенностях того времени, в частности отлично от нас, но в общем одинаково с нами и в древней Руси справлялся этот день.

Не работали, шли в церковь, кое-как, втихомолку позевывая и уйдя мыслями в земные свои дела, заботы и предположения, выслушивали службу. Тяжесть праздника, как и у нас, «мирских празднолюбцев» современности, лежала не в церкви, а в соборных, разговорах, посещениях и забавах такого рода, что день праздника против будней становился вдвойне и втройне «мирским днем».

Из церкви, лениво открестьясь, шли по домам, засаживаясь за вкусные и особенно обильные яства и пития, наедались до отвала, напивались – если не до бесчувствия, то до большой «веселости» – и, заложив основательный фундамент дома, – в гостях продолжали возводить здание.

И служил праздник, как служит и у нас, – предлогом к ублажению чрева. И редкий, редкий вспоминал, что такое в сущности значит новогодие.

Кажется, что вообще-то мысль о праздновании нового года, об избрании особого дня, служащего межою между годами, есть мысль более мирская, чем духовная. У Бога нет сроков, тысяча лет для Него, как день единый, и мгновение покаяния разбойника на кресте имело силу многолетних трудов и подвигов других великих покаянников. Бывает, что в один день и мы, при всем своем временном ограничении, переживаем так много, столько вдруг узнаем, настолько прозреваем, что один этот день становится значительнее и как бы дольше многих бесцветных годов.

Отсчитывать года в 365 дней с четвертью – это дело чисто механической регистрации, но оно вошло в обиход, в общежитие, и в духовной даже жизни с этим приходится считаться.

О чем думают люди, когда при звоне ли современных хрустальных бокалов, или, по старо-русскому, с заздравными кубками в руках желают друг другу нового года, и какое, именно, благо может произойти из-за того, что стукнутся два сосуда, полные вином, с произнесением казенных, истрепанных слов. Многие глубоко чувствующие люди говорили мне, что чувствуют себя чрезвычайно глупо, когда им приходится проделывать эту церемонию, в которой нет никакого смысла.

И при звуке этих бокалов мысли серьезных людей заняты иным.

«Еще годом человечество ближе к счастливой безоблачной, все желания удовлетворяющей жизни, для которой оно создано. Еще на год сократился срок земного изгнания, вечность стала еще на шаг ближе и несомненнее. Убыло того горя, которое должно переиспытать человечество до возвращения «домой», прежде чем воцарится радость, безоблачная радость.

Так к чему тут бокалы и пресные, надоевшие слова о том земном счастье, которое уже претит всякому сильно и тонко чувствующему человеку, с развитым вкусом, с глубокими духовными запросами – человеку, соскучившемуся на земле с ее унынием и однообразием, с ее бледными красками и ничтожным содержанием даже на самых верхах благополучия в самых лучших условиях.

Не то, не то – говорит себе с горечью человек – нужно чего-то другого, чем эти бессвязные и ничего не значащие возбужденные крики: жизни, жизни надо, настоящей жизни, захватывающей, дающей полное удовлетворение, так что уже и желаний не может быть, потому что дано больше и выше, чем он ждал и мечтал».

И он оглядывается вокруг, и в эту минуту душевного прозрения знакомые привычные люди стоят пред ним в своем нравственном обнажении, как жалкие размалеванные маски.

...Господи, – думает он, – других бы людей, крепких, цельных, которые знали, куда шли, и знали, чего хотели от жизни...

И вот, в эти минуты тоски по лучшей жизни, по жизни духа, в ярком свете спасительными маяками встают чистые и правдивые образы людей, тоже искавших счастья, жажда которого есть отличительный признак души человеческой, но сыскавших его иными путями.

Как бы в напоминание людям о том, на каких основах надо строить здание своей жизни, к чему стремиться, дни нового года совпадают с днями памяти великих и ярких святых. Первого января празднуется память святителя Василия Великого и начинается для почитателей с вечера празднование памяти преподобного Серафима Саровского, которого так хочется назвать по-старому, как было до его прославления, старцем Серафимом. Первого сентября совершается память одного из величайших подвижников христианства, славного в подвигах Симеона Столпника, которого в древней Москве называли по этому совпадению – «Симеон Летопр-водец».

Если вообще святых можно называть сторожевыми столбами, указывающими нам жизненный путь, вехами, к которым нам следует приглядываться, чтобы не сбиться в бурю, то эти трое святых особенно привлекают наше внимание.

«Помни нас», – словно слышится от святых ликов этих светлых людей.

Так вспомним не жизнь их, а настроение, идею их жизни, чтобы по ним, так сказать, самим настроиться, духовно подтянуться.

Бог, один только Бог: Его одного они видели и искали. Все даровитые, могшие иметь успех в жизни, с громадной силой воли и настойчивостью, они от жизни ничего не хотели взять потому, что, говоря грубо, метили выше, зная какую-то тайну.

И та тайна была тайна Царствия Божия, которым они хотели овладеть. Ценою же обладания был жизненный подвиг.

Подвиг этот их был тяжек и труден. Они шли на величайшее самопожертвование. Василий для блага церквей работал тем умственным вдохновенным трудом, который выматывает человека так быстро; как великий пожар, озарил он вселенную горением своего духа. И сила души убила жизнь.

Симеон Столпник и старец Серафим, отделенные друг от друга пятнадцатью веками, на свои человеческие плечи взяли такие невероятные подвиги, что невозможно, казалось, понести их одному человеку, претерпеть столько одной душе.

Взялись же за свои подвиги потому, что хотели до конца победить и низложить, и стереть главу лютomu искусителю, восставшему на них с безумной силой. Пригвоздили себя ко кресту, не сходя с него до конца, ибо теряет посрамленный крестом дьявол власть над людьми, распявшимися на кресте.

Симеон Столпник нес труднообразимый подвиг жизни на столпе, откуда не сходил ни днем, ни ночью, ни в холод, ни в жару, ни в дождь, ни во вьюгу, а одно время жил на глубине высохшего колодца, кишевшего гадами. А старец Серафим один понес подвиги отшельничества, молчаливчества, затвора, три года питался отваром горькой травы, три года стоял на камнях днем и ночью в непрерывной молитве.

И все это казалось им ничтожной ценой за тот «добрый бисер», который они этою ценою, подражая купцу евангельскому, хотели купить.

Представьте себе, что какой-нибудь человек доподлинно вызнал, что в каком-нибудь участке земли зарыто никому не известное сокровище. На какие многолетние лишения не пойдет он, чтоб овладеть сокровищем?... И голод будет ему не в голод, и в лишениях он будет наслаждаться уже предвкушением того богатства, для которого терпит лишение. Так и они ощутительно, как бы с дверями открытыми, через которые сияли им райские красоты, видели пред собой Царствие Божие. Они видели его и шли, словно замороженные чудным видением.

И дошли, и ликуют, а в людях оставили потрясающую память своих почти никем не превзойденных подвигов.

На пороге новых годин научите нас новому счастью, вечные, великие люди.

Мы не взойдем за вами на столп, не можем питаться сниткою и, как Василий, поить вселенную реками боговдохновенных глаголов.

Но одно дайте нам: память о том, откуда мы изошли и куда вернемся.

Вся беда наша в том, что мы сами забываем Хозяина, а нам кажется, что Он оставляет нас. Вы же нас научите повсюду Его звать и всегда Его над собой чувствовать.

Когда нам будет хорошо, мы скажем себе: «От Тебя эта радость: знаем, благодарим – не отыми ее от нас...» И мысль о Нем, об Его присутствии в нашей радости, будет возвышать, умирять ее, придавать какой-то тихий оттенок.

А горе сойдет, гроза налетит, – скажем Ему: «И в скорби с Тобой хорошо; и в преисподней с Тобой рай, и в небе без Тебя ад».

Мало-помалу сольем мы свое существование с Божеством.

И когда сольем, то почувствуем, что получили уже в нем всю полноту счастья, что земные удачи и радости нам того тихого, тайного, невыразимого счастья, какое давал нам Он, уже дать не могут. И с удивлением ощутим, как бессильны над нами, закованными в броню веры и вечности, земные испытания, которые будут казаться легкими уколами.

И равнодушные к суете людской вокруг какого-то призрачного, нового счастья, мы с изумлением спросим себя: «На что оно мне?» – и, быть может, еще улыбнемся, как улыбнулся бы богач, которому кто-нибудь с торжественным видом поднес бы в дар... медную полушку.

Вещи и люди

Я знаю одного человека, который одержим страстью к старинным вещам, особенно если эти вещи принадлежали раньше его семье.

Семья была богатая, родовитая и поэтому обладала значительным количеством прекрасной обстановки, ценным фарфором, мрамором, бронзой.

Свои вещи он любил, как живые, и говаривал, что люди, долго владевшие вещью, налагают на нее как бы некоторый отпечаток своей души.

При этом его утверждении мне всегда вспоминалось изречение знаменитого киевского старца Парфения: «У человека нечистого и страстного и вещи его заражены страстями. Не прикасайся к ним, не употребляй их...»

Как же иначе объяснить, что вещи людей святых заключают в себе благу, чудотворящую силу, как не тем, что как бы часть духа этих людей присутствует в их вещах?.. Кажется, что мой знакомый не был далек от истины.

Не будучи старшим в семье, он собрал у себя большую коллекцию семейных портретов в масляных красках, акварелью, мраморными горельефами, старинными дагерротипами, гравюрами, фотографиями. Некоторые добыл он далеко у родных, живших в старых поместьях, некоторые переснимал у знакомых или на выставках старых картин.

– Можете себе представить, – с радостью говорил он мне, – на последней выставке прежних художников я набрел на прелестный портрет сестры моего деда. Он принадлежит теперь N. N. У нас с N. N. общие знакомые. Непременно к нему отправлюсь – или перекуплю, или пересниму.

Он любил показывать приятелям свое добро и объяснять им происхождение своих вещей.

– Вот этот, например, бронзовый орел: знаете, откуда он у меня?

На громадной старинной библиотеке красного дерева стоял тяжелый золотой бронзы орел, который как будто собирался взлететь. На распушенных крыльях его красовался большой золоченый шар, а на подставке черного мрамора был бронзовый инициал Наполеона I.

– Это, ведь, времен французской Империи; это – эмблема замыслов Наполеона о всемирном господстве, – объяснял он. Я с детства очень любил этого орла, и, пока я подрастал, он все более и более старился: сходила позолота, потом необъяснимым для меня образом попорчен был клюв, помято распущенное крыло, и, наконец, когда я уже был взрослым, наш старый человек, смахивая с него пыль, уронил его на землю, многие части его погнулись и стеклянный, золоченый шар, выражавший собою вселенную, расшибся вдребезги. В таком положении застал я его в один из приездов моих домой в нашей буфетной комнате. Помню, сердце сжалось у меня при виде разрушения этой дорогой семейной вещи, как будто я видел гибель живого существа. Я выпросил эту штуку, увез ее с собой, отдал бронзовщику, который возобновил всю птицу, заказал у известного стекольщика шар таких размеров, как прежний, – и вот вы видите эту вещь в ее прежнем великолепии...

Действительно, мой знакомый был вполне прав: эта художественная вещь, прекрасно замышленная и выполненная со всею, какая только возможна, тщательностью, была очень красива.

– А вот эти две вазы, – говорил он, подводя к двум дорогим фарфоровым вазам, из которых на одной амур карабкался по переплетенным ветвям, другая была строгой формы, римского стиля, темно-синего гладкого цвета. – Я помню эти вазы с детства и нашел их обломанными в кладовой. У вазы с амуром была отбита ручка и нижние края. Их возобновили по особому заказу. А у синей вазы тоже не было краев и отбиты ручки. Я сам составил чертеж для новых ручек, более подходящих, по моему мнению, к общему ее стилю. Их сделали из чугуна

и покрасили, но кто скажет, что это крашеный чугун... И, знаете, эти вещи, которые я нашел в разрушенном почти состоянии и с терпением и усердием возобновлял, – они мне дороже, чем те, которые я получил в хорошем состоянии.

И много, много было у этого человека разных вещей, которые он, так сказать, принял в свою душу и вызвал к новой жизни.

Любя сам старинные вещи, я вполне понимал его, но был печально изумлен, узнав об отношении его к живым людям, которые требовали такого же исправления, такой же заботы для восстановления их в первобытном их добром состоянии, как его вещи, над которыми он так много и так усердно хлопотал.

Мне как-то пришлось слышать его разговор с одним его приятелем относительно одного человека, с которым он был когда-то близок и который ему много раз делал значительные неприятности, почему он решился порвать с ним всякие сношения. Теперь тот человек находился в очень тяжелом состоянии, и знакомый убеждал протянуть ему руку помощи, забыв его вины. Но он и не думал сдаваться на уговоры и спокойно доказывал:

– Ты все хлопчешь о нем. Пойми, что я питаю теперь к нему только отрицательное чувство. Что разбито, то разбито и восстановлено быть не может. Склеивать отношения, которые были прерваны после неоднократных его обманов, – это ни к чему решительно не поведет...

– Голубчик, – воскликнул другой, – да ведь ты говоришь сам против себя. Ты ведь так много занимаешься восстановлением всякой битой дряни... Неужели, какая-нибудь старая вазочка...

– Да, – сердито перебил его товарищ, – старинные вещи – это совсем другая статья.

– Так по-твоему, человек, чтобы помочь ему выкарабкаться, не стоит тех усилий, какие ты употребляешь на «возрождение» всякой старины?

– Да, не стоит, – раздался резкий ответ.

...Что скажете вы про это нежелание отнестись бережно к провинившемуся, может, тяжело провинившемуся человеку?

Там решительно никому в сущности не нужные, служащие лишь для потехи глаз вещи, здесь – душа человеческая, нуждающаяся в помощи, прощении, доверии.

Что какой-нибудь бронзовый орел лишился своего великолепия и лежит в небрежении – это его беспокоит. Его тревожит, что у старой вазы отбит край. А вот то, что человек уклонился от правого пути, что у него сухим к нему отношением как бы отбита часть души, что он в презрении и отвержении, – это его не беспокоит. А, между тем, в таком состоянии находится человек еще недавно ему близкий, в котором он, конечно, находил раньше хорошие черты.

Удивляться надо тому, как легко люди, даже близкие, отворачиваются от тех, в чьей нравственной высоте они разочаровались. Невольно припоминаются тут взгляды христианства. Веря в божественное происхождение души, христианство непоколебимо верит в неугасимую искру Божию, которая сверкает во всякой душе. Христианство – это великий оптимист и записало в летописях своих множество обращений погрязших во всяком зле и грехе людей к самым высшим степеням добра и праведности.

Кто не помнит замечательного поступка апостола Иоанна Богослова – этого неустанного, убежденнейшего проповедника любви, – с юношей, которого он крестил и наставлял и который в его отсутствие свихнулся и дошел до того, что стал предводителем шайки разбойников? В надежде встретиться с ним, Иоанн пошел нарочно в места, где злодействовала его шайка, был взят в плен и приведен к атаману. Он гнался за этим учеником своим, от стыда убежавшим от него, умолил его вернуться к добру, разделил с ним труды покаяния.

Как прекрасно уподобиться тому благому пастырю, который забывает о 99-ти овцах, мирно пасущихся на надлежащем пастбище, чтобы найти одну заблудшую овцу и принести ее к счастливому стаду! Блажен, кто может сказать о человеке, который его сочувствием, силою

его всепрощения и теплой заботы вернулся к благой жизни: «Мертв бе – и оживе, изгибл бе – и обретесе».

Счастливые и несчастные

Я видел недавно одного приятеля, чуткого, сильно чувствующего человека, который только что провел две недели, исполняя обязанности присяжного заседателя, и делился со мною своими впечатлениями.

– Знаешь, – говорил он мне, – у нас почти не было обвинительных приговоров: мы почти всех оправдывали. И в этих оправданиях я вижу глубокий смысл, я вижу нравственную характеристику людей, выносивших эти оправдательные приговоры.

По окончании сессии наиболее единомыслящие между собою присяжные заседатели устроили маленькую дружескую трапезу. И здесь один из нас, профессор по общественному положению, сказал маленькую речь. Между прочим, он говорил: «Мне кажется, что перед большинством из нас во время судебного заседания предносился один заветный образ. Мы видели пред собою женщину, взятую в прелюбодеянии и подлежащую по законам того народа избитию камнями. И вот ее привели и поставили перед Тем, Кто ходил по городам Иудеи со Своим новым словом, Носитель и Провозвестник новых взглядов. И это слово, эти взгляды должны были перестроить по-новому мир. Очевидно, эти люди, в которых копошились страсти, быть может, гораздо более низкие и грязные, чем в тех, внешнее поведение которых было так печально, – очевидно, эти люди хотели вырвать у Учителя смертный приговор этой «ятой в прелюбодеянии» жене... Он, видящий глубину сердец человеческих, Вечный Созерцатель немощей и падения людей, не сказал им, что она сделала хорошо. Он сказал им только одно. Потупив глаза в землю и склонив голову, Он некоторое время писал что-то тростью по песку и потом произнес: «Кто из вас без греха, тот пусть первый бросит в нее камень...» Мне кажется, что это слово Божественного Законодателя предносилось пред каждым из нас, когда нам предстояло произносить свои приговоры. Мы не могли смотреть на людей сурово, входя в обсуждение одного лишь данного поступка их, безотносительно к тому, как они жили раньше, что им дала судьба, на какой путь их толкнула. В падших людях мы ловили проблески искреннего чувства, мы старались угадать в них возможность исправления; и, вместо того, чтобы нашим приговором выбрасывать их вон за борт жизни, мы старались вернуть их оздоровевшими и ободренными в эту жизнь».

Рассказав мне об этом обеде, который завершил пятнадцатидневную, трудную, душу утомляющую работу, мой приятель сказал мне:

– Если бы ты только знал, как многому научили меня эти две недели! Как я тут ясно, на этих живых, кровью сочащихся кусках жизни, понял и прочувствовал истину глубочайших слов Достоевского: «Все пред всеми виноваты!» Мне становилось стыдно и больно, когда я сравнивал свое прошлое с прошлым этих людей. Меня с детства, можно сказать, пеленали в добродетель. Я видел, большею частью, вокруг себя одни положительные типы. Жизнь смотрела на меня почти исключительно своим добром. Меня холили, как цветок в защищенной от ветра и холода теплице... И разве я вышел достойным и соответствующим тому воспитанию, которое мне давали!.. Чем же порадовала жизнь тех людей? С детства существование впроголодь, отсутствие ласки, непосильный труд, ничего отрадного, утешающего, ободряющего, свежего, одно подневолье, нужда, темнота, недочетка насущного хлеба... и на этом фоне постепенно образующееся нравственное отупение, нравственная безразличность, постепенно складывающееся желание – каким-нибудь, хотя бы преступным, путем скрасить свое существование – и, наконец, решимость на эти подвертывающиеся, как искушения ослабевшей воли, преступления.

Мы оправдали одну молодую няньку, которая со взломом сундука украла у своих хозяев 200 рублей, из которых почти все затем и вернула. Мы оправдали ее потому, что за ее спиной стоял какой-то неведомый человек. Она его любила, и он ее толкнул на это преступление, а она

ни за что не хотела его выдать. Мы увидели тут страшную драму, обычную драму в жизни трудящихся в больших городских центрах девушек. Они попадают в руки каких-нибудь прожженных негодяев, на которых изводят все силы своей души, всю свежесть молодого, непочатого чувства. И в ответ на всю свою искренность, на все свои жертвы они получают только одно: из них всячески выют, как говорится, веревки, доводят их до преступления, сажают их на скамью подсудимых, а сами, воспользовавшись плодами этого внушенного преступления, остаются в стороне и безнаказанными и перелетают к новым жертвам для новых постыдных выгод.

Мы оправдали одного молодого человека, мальчика на вид, дворянина по паспорту, совершившего небольшую и глупую кражу. Через несколько месяцев ему предстояло отбывать воинскую повинность. Он знал ремесло, – хотя по обстоятельствам нашего времени не мог сыскать себе работы в Петербурге, – и клялся, что никогда больше не решится ни на что преступное. Мы не решились вписывать за эту первую ошибку позорное пятно на молодой, начинающейся жизни, поверили его слезам и обещаниям и даже собрали ему с десятков рублей, чтобы он мог до приискания места прокормиться или ехать на родину.

И во всех наших оправданиях светилось одно: страстное, жгучее сожаление к меньшему, обделенному брату. Казалось, что нам, людям сытым, совестно пред ними. Мы себя признавали как будто виновными в их темноте, в их слабости, в их преступлениях; не могли в них бросить камня потому, что сами не без греха...

И вот этот урок, вынесенный мною из соприкосновения с людьми, менее нас в жизни счастливыми, возбуждает во мне мысль о том, как вообще сильные, нашедшие себе в жизни широкую дорогу люди виноваты пред теми, кому жизнь была мачехой.

Кто интересовался бытом так называемых «падших женщин», тот, конечно, в жизни почти всякой из них находил две общих черты: невиновность их в своем падении и тлеющую в них при всей грязи их жизни, не затухенную никогда окончательно искру добра.

Почти все они пали в юные годы, уступая уговорам любимого человека, в большинстве случаев гораздо высшего их происхождением, который, поиграв ими, безжалостно их бросал...

У всякой почти из них в углу образ с горящей лампадой. И кажется, что эта лампада – та нить, на которой держится их жизнь. Пока горит лампада, не все еще в их жизни погибло. Еще видится им Христос с протянутыми руками, с обещанием лучшего, светлого существования, с прощением за их тяжкую муку, за надругавшуюся над ними жизнь с ее обманами и унижениями.

Все понять – значит все простить.

И ужасно то, что мы, сами того не сознавая, топчем людские существования, равнодушно проходим мимо людей в самые для них ужасные минуты, тогда как небольшая помощь или даже, может быть, слово участия могли бы их спасти.

Припомним свое прошлое. И из этой дали увидим мы направленные на нас тоскующие, ожидающие взоры... И что, что дали мы в ответ на эти запросы?..

Так прежде всего, прежде даже того, чем успеем мы изменить свою жизнь, поймем, что мы ничем не выше самых закоренелых преступников. Поймем, что на нас невидные слезы задавленных жизнью людей, на нас во многом и многом ответ за них. И, упав в мольбе перед Богом за них, за спасение их, одновременно попросим и о себе, о пощаде нас, чтобы наша громадная вина против всех не утопила нас, чтобы Он, все покрывший Своей мукой, и нас с теми, против кого мы виноваты, простил, простил...

Любовь Христова

Мы жаждем любви. Чем глубже, богаче, благороднее натура, тем сильнее эта жажда.

Люди одаренные еще в детстве испытывают какое-то неясное томление, уже тогда им хочется иметь пред собой какое-нибудь существо, чтобы на него любоваться, перед ним преклоняться, с думой о нем совершать всякое дело свое, ради него жить, дышать, стремиться, работать.

Человеку с благородным характером свойственна какая-то жажда покровительства, жажда принять под свое ведение более слабого человека и служить ему.

Один из благороднейших русских писателей, Сергей Тимофеевич Аксаков, в знаменитом своем произведении «Детские годы Багрова внука» говорит о той жажде, которую он еще в совсем малых годах испытывал, – излить на кого-нибудь свою заботу, и, наконец, нашел предмет такой заботы в лице своей маленькой сестры, к которой он чувствовал какую-то невыразимо-трогательную, нежную жалость.

Вот это желание – помочь, что-нибудь сделать для любимого существа, принести ему жертву – составляет отличительный признак, истинную сущность душевной любви, любви, основанной не на пожелании, не на похоти, не на позыве распалившейся чувственности, а на глубокой привязанности духа, на ощущении внутреннего сродства.

И такие привязанности не умрут в нас с нашей смертью, но их мы переносим с собой в вечность, чтобы там их продолжать.

В одном из чеховских рассказов героиню спрашивают: «Отчего хорошая женщина любит обыкновенно дурного мужчину?» Как эти женщины могут любить слабых, изолгавшихся, не нашедших себе в жизни настоящего пути, сильных в словах и немощных в деле мужчин?..

Не таковы выражения, но таков смысл этого вопроса.

И чуткая женщина отвечает в таком приблизительно смысле: мы любим таких потому, что, любя, мы желаем произвести большую душевную работу, покрыть своею любовью недостатки мужчины, этой любовью возвысить и окрылить его. Что в том, что совершенно деятельного, сильного человека будут любить? Но для человека слабого, падающего, сомневающегося такая любовь будет громадной помощью...

И вот лучшие из нас, и мужчины, и женщины ищут, на кого бы излить весь имеющийся у них запас нежности и заботы.

Ищут, на кого бы излить, но, по человеческому свойству, ждут себе и отклика, такой же искренней и прочной привязанности. И как обманывает жизнь: редко-редко когда душа человеческая, привязавшаяся к другой душе и ей себя поработившая, получает в ответ на свою привязанность такую же привязанность. Мир стонет от мук неудовлетворенной любви, и как трагично то положение, что именно в большинстве случаев самые глубокие, самые привязчивые, показавшие великую силу самоотверженной любви люди – эти-то люди почему-то обыкновенно менее всего ценятся, менее всего любимы!

Какими радужными, счастливыми красками рисуется жизнь в пору первой юности, когда не наступил еще столь старящий людей опыт житейский, пока сердце бьется равным сочувствием ко всем людям, одинаковым доверием к ним, стремлением видеть во всех своих братьев, – и как мало-помалу эти радужные краски сползают, и жизнь, пред измученным взором ее наблюдателя, представляется такой холодной, безответной, немой!..

Проследим вкратце все разочарования и испытания, которые постигают бедное, жаждущее привязанности и столь мало их на земле находящее сердце человеческое.

Как часто при первых шагах самостоятельной жизни видишь измену друзей своего детства, с которыми прожил десяток лет душа в душу и которые теперь, расчищая себе в жизни место пошире, готовы столкнуть с дороги вчерашних друзей своих. Потом семья, дети... Сладкое слово! Но едва дети подрастут, как они начинают видеть родителей все меньше и меньше, учась дома или поступая в учебное заведение, а там самостоятельность, карьера – и семья как-то растаяла, никогда не соберется разом, вместе, протекла сквозь пальцы родителей, как течет убого по убогому руслу тихая речка за городом. И родители оплакивают живых своих детей, чувствуя, что связи, которые со стороны родителей никогда не нарушаются, со стороны детей нарушены, и что все сделанное для детей: громадные жертвы, для них принесенные, ночи бессонные, дни, полные тревог, – все это в сущности забыто и при всей, быть может, видимой почтительности настоящего единения нет.

Влюбленность, высокая страсть... Но часто ли отвечают нам, когда мы любим?

На свое громадное чувство, куда мы вложили без остатка все силы души, как часто получаем мы в ответ одно холодное равнодушие и как часто страдаем мы потому, что в свою очередь на глубокую любовь, на нас направленную, мы не умеем, не можем ответить иначе, как равнодушием.

И вот происходит эта путаница, эта вечная мука. Мы жаждем любить – и любим впустую, потому что любовь наша не нужна тем, кого мы любим, ничего для них не составляя. Мы жаждем, чтоб нас любили, и этого не получаем, а получаем в большинстве случаев любовь людей, которые для нас совершенно безразличны.

Неудовлетворенные, разочарованные, в постоянном ожидании и не видя никогда исполнения заветных своих надежд, проходим мы пустыню мира, пустыню жизни, и, чем глубже наше сердце, тем дольше оно не сдается, доставляя нам новые и новые муки. Мы любим, мы ищем, тогда как любовь уже по старческому возрасту нашему смешна, когда, кроме затаенного страдания и унижения, ничего доставить нам не может.

Говоря о жажде любви, мы имеем в виду не распаленную физическую страсть, а именно напряженное духовное общение, счастливое совпадение двух душ, взаимное поглощение одной души другою. В этом состоит верховное счастье жизни, и без этого в жизни нельзя быть счастливым.

А между тем есть близ нас Существо, нами забытое, Которое желает и может утолить эту жажду привязанности, самоотвержения, отклика. Существо это – распятый за нас, небесною славою сияющий Христос Бог наш.

Верующее сердце, после всякого разочарования в житейской любви, в житейской привязанности, с какою-то особой силою и жаждой обращается ко Христу. Оно чувствует, что тут не будет ничего, кроме полного отклика, что Он спешит к душе по первому зову, говоря с нею чудным, безмолвным небесным голосом.

Счастлив, кто рано познал тщету, обманчивость, недостаточность мирских привязанностей.

Счастлив, кто без гнева и осуждения принудил свое сердце не искать ничего там, где это сердце было столько раз оскорблено и обмануто.

Счастлив, кто в невыразимой скорби, упав перед Ликом Спасителя, поклялся отдать Христу все те силы души, которые изживал ранее на неблагодарный мир и немых, безответных людей, и, упав перед этим Ликом страдальческим, поднялся сильным, спокойным, с предчувствием бесконечных сладостей, которые принесет эта полная отдача себя Богу.

Мы любим еще мир, мы ищем в мире, но не для нас ли сказано предостерегающее слово Христово: «Не любите мира и яже в мире?» И за то, что мы это слово забыли, еще миру веваемся, он так глубоко и больно ранит нас.

Скажите себе, что не высшая точка любви – привязанности мирские.

Скажите себе, что ложно слово поэта:

«Милый друг! Иль ты не чуешь.
Что одно на целом свете:
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете?»

Скажите себе, что душа ваша, созданная по мерке бесконечности, может быть насыщена только бесконечным, что земное ограниченное чувство оставит ее всегда неудовлетворенной. И этой душой, столько раз израненной, обманутой, смятой житейскими вихрями, крушением ваших надежд, не оправдавшимися и поруганными привязанностями, – этой душой прильните

безмолвно к стопам Христа, Который один не обманет, не изменит, не оттолкнет и даст то успокоение, которое обещал, и больше обещанного.

Великие тайны, несказанное блаженство скрываются в любви душ наших к Божественному Жениху, в любви человека, к Богу пришедшего и в Нем одном полагающего отныне свое духовное счастье.

Что мирские уколы, что смутные воспоминания о прежних терзаниях бедного мятущегося сердца, когда к душе человеческой для братской беседы с нею, оставляя престол, сходит с небес Царь мира!..

Что одиночество, когда благий Пастырь с неизъяснимой лаской и кротким взором берет на руки заблудшую овцу и согревает ее у пастырского теплого сердца Своего!

Что бесславие, осуждение людьми, нежелание их, неспособность понять все, когда человеку, Ему отдавшемуся, Господь низводит ополчение святых Своих, чтобы они окружили человека, как брата, беседуя, утешая и поучая его!

Кончилось одиночество, кончилось томление, кончилось бесплодное ожидание, началось счастье сыновства, счастье святой дружбы небесной. В храмину, быть может, совне занесенную пылью, покрытую толстым слоем грязи, но внутри таившую сокровища благородства, самоотвержения, искренности и высоких порывов, вошел бесплодно раньше стучавшийся, а теперь впущенный в нее Христос – и вечеряет.

Но опускается завеса на это тайное счастье человека.

Христос – и познавшая Его душа...

Душа – и принявший ее Христос...

Дом, где присутствует Бог

Есть на французском языке выражение, которое не вполне охватывают соответствующие ему в переводе русские слова. Это – *la maison du bon Dieu*.

Если мы переведем: «дом Божий», «дом Господень», это будет не то. Слова эти означают, что в этом доме так хорошо, словно в нем присутствует Сам Господь Бог.

Конечно, глубокая вера людей в Бога, глубокое усвоение ими Его учения кротости и любви должны создать в доме христиан особую благодатную атмосферу которая будет отрадno чувствоваться входящими в этот дом и не лишенными чуткости людьми.

Мне кажется, что взаимное сочувствие людей, их взаимная забота «друг о друге», исполнение завета Христова: «любите друг друга» и завета апостольского: «друг друга тяготы носите», – все это должно, так сказать, наполнять воздух христианского общества невидимыми, но ясно и утешительно чувствуемыми струями доброжелательства, взаимной искренней приязни.

Казалось бы, в воздухе христианских обществ должно всегда стоять такое настроение: «Мы все дети одного Бога, от Одного изошли, к Одному вернемся. Нам дано жить здесь вместе, чтобы потом расстаться на короткое время и снова встретиться уже навеки в вечном царстве. Поселенным временно на земле – что нам делить, о чем нам ссориться, в чем нам завидовать друг другу, когда мы все равно наследники вечных благ? Будем же друг друга чтить и покоить за те Божьи искры, какие горят одинаково в каждом из нас, и за то, что все мы равно искуплены бесценной кровью Христовой и все, равно оправдавшись Его крестной заслугой, потом окружим одной тесной, согласной толпой престол Его славы. Все, что для нас важно, велико, что решает судьбу нашу в вечности, – все это в нас едино; разделять могут нас лишь ничтожные земные мелочи. Они не имеют в сущности никакой цены: стоит ли из-за них нарушать наше единение?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.